

Виктор Снесарь

Зрительное
восприятие
в русской
культуре

Виктор Снесарь

**Зрительное восприятие в
русской культуре. Книга 1**

«Фонд развития конфликтологии»

2016

УДК 101.1:316
ББК 71+88

Снесарь В. И.

Зрительное восприятие в русской культуре. Книга 1 /
В. И. Снесарь — «Фонд развития конфликтологии», 2016

ISBN 978-5-9906484-3-2

Книга представляет собой теоретическую часть трилогии «Зрительное восприятие в русской культуре». В ней изложены философские парадигмы зрительно-образного восприятия в зарубежной и российской философской мысли, где особое внимание уделяется методологии изучения этого феномена. Анализ генезиса визуальной образности на Руси привёл автора к выводу о том, что аксиологизм и онтологизм зрительно-образного восприятия мира в русской культуре имеют особые черты, не сводимые ни к Византийской, ни к Западноевропейской традиции, чем и подчёркивается их значение в глобализационных процессах. Книга обращена как к профессиональным философам, культурологам, искусствоведам, так и к широкому кругу читателей, интересующихся русской культурой.

УДК 101.1:316

ББК 71+88

ISBN 978-5-9906484-3-2

© Снесарь В. И., 2016

© Фонд развития
конфликтологии, 2016

Содержание

Введение	6
Раздел I	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктор Иванович Снесарь
Зрительное восприятие в русской культуре

© Снесарь В. И., 2016

© Фонд развития конфликтологии, 2016

Введение

Предлагаемая читателю книга является первым томом трилогии «Зрительное восприятие в русской культуре». Книга содержит историко-философский и методологический материал, где на основании научного анализа представлено философское осмысление зрительно-образного восприятия и осуществлён обзор генезиса визуальной символики в русской культуре.

Актуальность предлагаемого исследования определяется действием ряда объективных и субъективных факторов. Во-первых, в конце XX – начале XXI века стремительная технологизация общественного бытия привела к ситуации информационного социума. В связи с этим в современном мире широкое распространение получила концепция информационного общества, где труд и капитал как традиционные основы индустриального общества уступают место «знанию» и «информации»¹. В ней постулируется, что главными факторами общественного развития являются производство, распространение и использование научно-технической информации. Орудия промышленного производства наиболее развитых стран уступают место информационной экономике, потребительские товары которой нельзя потрогать руками². Несмотря на дискуссионный характер этой концепции, она закладывается в качестве базовой для социально-экономического развития цивилизации на ближайшее время.

Во-вторых, познание окружающей реальности посредством текстовой информации, до недавних пор носившей в основном лингвистический характер, начинает уступать место зрительно-активным средствам. Литература и в целом вербальная традиция вытесняются как статичными, так и динамично-наглядными формами подачи информации. Наблюдается тенденция перехода от традиционной печати к «электронным книгам»³. Язык актуальности сегодня – это язык образов. И в политических технологиях, и в СМИ, и в рекламе, активно используются именно особенности «зрительно-образного восприятия» для успешной реализации поставленных задач. Лингвистический характер цивилизации эпохи Нового времени уходит на задний план. Визуальность захватывает сознание. Западная философия говорит о «постцивилизации» и «конце истории» рационального мышления, констатируя наступившую новую эру европейской цивилизации, «цивилизации образа». Актуализация этой проблематики потребовала выработки новой философско-методологической базы.

В-третьих, в социальной философии в 90-е годы в употребление вошёл термин «иконический поворот» (Iconic turn) как поворот в сторону зрительного (правополушарного) мышления, преобладающего в культурах восточного типа. Он констатирует сдвиг в социально-культурной ситуации в сторону визуального способа коммуникаций и перевод онтологической проблематики в область анализа зрительного образа. В российской философии этот термин стали использовать в качестве «геополитической метафоры» в культурно-историческом и политическом контекстах. Так как поворот в сторону зрительного мышления способен изменить социокультурную, экономическую и политическую составляющую общества, то его следует рассматривать в контексте сохранения культурной самобытности.

В-четвертых, в эпоху «иконического поворота», проект «нового мирового порядка» с единым мировым центром (США) сменяется процессом формирования многополярного мира, где на главные роли выдвигаются геочивилизации. Одной из них является русско-православная геочивилизация с характерным для нее «зрительно-образным восприятием» и пре-

¹ Тоффлер А. Смена власти. М., 1998.

² Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: АСТ, 2008.

³ Каптерев А. И. Формы и методы виртуального образования // Информатизация социокультурного пространства. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.

тендующая на свой путь развития в единстве с другими цивилизациями. Национальная культура наряду с экономикой, наукой и политикой должна обрести статус важнейшего компонента стратегии развития, идеологии и реализации жизненно-важных интересов государства. «С точки зрения теоретически обоснованной стратегии развития России и всего мира чрезвычайно важно осмысливать и решать коренные, в том числе и вполне конкретные, злободневные проблемы как общие вопросы современной цивилизации в целом и как особые, но именно цивилизационные проблемы той или иной страны»⁴.

В связи с этим возрастает значимость изучения структурной самобытности национальных культур. В этом контексте самобытность культуры – это целостность и самостоятельность культуры. И. А. Ильин выразил это так: «Перед нами задача: творить русскую самобытную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи»⁵. Привлечение внимания к зрительно-образному восприятию как к базовой основе русской культуры должно способствовать успешному развитию русской цивилизации, её модернизации и сохранению идентичности.

Некоторые русские учёные предприняли попытку осмыслить феномен воздействия визуальности на сознание масс. Влияние внешней среды на целостный организм изучали В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, И. М. Сеченов. Возникла наука о поведении, революционировавшая психологию восприятия. Используя естественнонаучные методы, они проникали в сферу тех отношений человека с миром, которые обеспечивают фиксацию видимого в психических процессах, используя информацию. Изменение структур сознания может происходить под влиянием акта внушения, источником которого выступают зрительные образы. «Обходя» разум и затемняя «я-сознание», визуальность порождает цепные реакции воображения – считал нейрофизиолог В. М. Бехтерев.

В «Первом разделе» книги делается попытка представить эволюцию философского осмысления нашего феномена в европейской мысли. Феномен «зрительно-образного восприятия» был предметом широкого обсуждения в античности (Гераклит, Платон, Эмпедокл), где духовный акт усмотрения эйдоса вещи был связан с созерцанием и умозрением, ставился выше дискурсивной мысли (интеллектуального рассуждения). В византийской философии (теория образа и иконы, аскетическая эстетика) «зрительно-образное восприятие» выполняло фундаментальную роль в мировоззрении, а зрительный образ рассматривался как способ и средство трансляции сакральных знаний.

Философы Нового времени, опиравшиеся на разум и опыт как на абсолютное основание, не выработали единой точки зрения на восприятие. Речь шла о противостоянии разума предшествующей традиции и борьбе с её «идолами». Восприятие рассматривалось как совокупность чувственных данных (Дж. Локк, Д. Юм). В рационализме роль восприятия оценивалась относительно низко. Все восприятия могут оказаться обманом или сном злого гения, считал Р. Декарт. Осознание ограниченности классического рационализма в философии наступает в начале XX века.

Научное осмысление этого феномена было также связано с синхронными тенденциями в различных областях наук, в трудах по феноменологии, морфологии культуры, гештальт-психологии, психологии восприятия и семиотике. Из архаического, дохристианского сознания вывел истоки архетипов К. Юнг, проследившая корни первообразов до первобытных сообществ. Архетипы рассматривались как исходная, сохранившаяся стереотипная информация, возникшая на заре эволюции в результате приспособительных реакций. В результате научно-технической революции возросла роль зрительных форм коммуникаций. Это отразилось в

⁴ Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН; Канон, 2010. С. 13.

⁵ Вишюградова Е. В. Тема России в творчестве И. А. Ильина // Вестник Российского философского общества. 2006. № 3(39). С. 121.

теоретико-практическом характере исследования художников-авангардистов. Их труды стали первыми этапами осмысления визуальности в её феноменальном воздействии на общественное сознание. Изучением визуальной формы, её потенциальной способности формировать общественное сознание занимались ВХУТЕМАС в России и БАУХАУЗ в Германии. В 30-е годы XX века была замечена тенденция обострения интереса к социально-культурной проблематике. В общественных отношениях и в становлении человека социальная визуальность обретала символическую форму представлений и знаков, теряя изначальный онтологический смысл. Синхронные тенденции смещения внимания в сторону анализа восприятия визуальности обнаружили в трудах по феноменологии, морфологии культуры, гештальтпсихологии, психологии восприятия и семиотике. Феноменология Э. Гуссерля представляла собой учение о созерцании сущности и признавала платоновское умопознание «мира по истине» посредством зрительного восприятия вещи как усмотрение её эйдоса. М. Мерло-Понти рассматривал опыт зрительно-образного восприятия как процесс выявления фундаментальных смыслопорождающих структур и механизмов взаимодействия человека с окружающим миром. Неоспоримый вклад в осмысление этого феномена внесли теории геннокультурной коэволюции, синергетики, когнитивные науки (нейрофизиология, теории информации), а также общие теории систем. В теориях геннокультурной коэволюции зрительное восприятие – это процесс «переработки информации», предполагающий прямую направленность от генов к социальным ситуациям. Утверждалось, что на основании эпигенетических правил у человека формируются образы ментальности и структуры поведения. Единицей социокультурной информации в данных концепциях выступают «культургены» – генетические информационные центры, соответствующие образцам поведения и взаимодействия с окружающей средой и артефактам. Наиболее эффективна для понимания социальной реальности невербальная форма восприятия. Программа «культурной социологии» (Дж. Александр, Йельский университет) провозглашает «иконические знаки» главными факторами в процессе социализации и формирования сознания личности индивида в информационном обществе.

Восприятие – это не механическое копирование видимой действительности, не сканирование поверхности, на что обращал внимание Дж. Гибсон, а процесс формирования образа в сознании человека. Для нас это имеет принципиальное значение. Обнаружение характерных свойств зрительно-образного восприятия, делающих человека не биологическим конструктом, бездумно пропускающим информацию сквозь сетчатку глаза, а личностью, превращающей зрительную информацию в образ. Открытие особых свойств и возможностей человеческого восприятия поднимает на новый уровень философские парадигмы культурно-социальных и гносеологических проблем, утверждая новые ценностные ориентации субъекта личности. Такой ракурс проблемы делает феномен восприятия активным участником познавательного процесса. Это уже не отражательная процедура, или «слепок», как полагал Джон Локк. Процесс заметно опосредован социальным и культурно-историческим опытом. Адекватность такого познания, включающего также и чувственные характеристики объекта, непосредственно зависит от имеющихся запасов знаний, понятий, гипотез, а также познавательных, эстетических и моральных схем. Вся содержащаяся в сознании человека информация составляет львиную долю в процедуре осмысления визуального образа и тесно связана с пониманием и представлением.

Иная, очень важная проблема изучения феномена в контексте русской культуры, связана с выбором методологии исследования. Это связано с исторической судьбой российской науки. Обнаруженные в XIX веке самобытные основы мировоззрения, редуцировали поиск соответственных подходов. В итоге, вопрос о правильном выборе методологии исследования русской культуры до сих пор сохраняет свою актуальность. Особое внимание этому вопросу отводится во «Втором разделе». Русская религиозная философия, отличавшаяся онтологизмом познавательных установок, продолжала древнерусскую традицию художественно-симво-

лического осмысления бытия. В онтологическом символизме видимый мир выступал символом невидимого. Постулировалось, что принципом познания мира является иконичность, в которой человека и вселенную, пространство и время можно видеть, описывать и изучать как антиномичный иконообраз. Философ Е. Н. Трубецкой писал, что русская культура раскрылась как глубочайшее «умозрение в красках». В отличие от западной культуры, имевшей намеренное пренебрежение к знакам невербальных языков, она не создала такого же уровня мировоззрение в понятиях. На важнейшую структурообразующую роль иконы в обществе указывал П. А. Флоренский. Он называл её «умопостигаемой осью» народного быта, «деформирующую» и преобразующую мир, пронизывающую его своими «энергиями». Продолжая концепцию синергичности иконичного образа, С. Н. Булгаков разрабатывал идею «иконизации бытия», выделяя в этом смысл и задачу национального существования. Онтологизм иконообраза так же был предметом анализа В. Ф. Эрн и Ю. А. Олсуфьева. В социокультурной сфере начала XX века наблюдался сдвиг в сторону онтологической проблематики анализа зрительных образов. Обнаружив в этом переход от рационалистического к иррационалистическому, сверхрационалистическому мышлению, Н. А. Бердяев назвал современность «новым средневековьем». Подчеркивалось, что визуальный образ занимал доминирующее положение в русской культуре. В противоположность ей западная (иудеохристианская) культура воспитывала намеренное пренебрежение к знакам невербальных языков.

«Третий раздел» посвящён деонтологизации зрительного образа в XX веке. В концепциях Ги Дебора общество трансформировалось в «общество спектакля» и подчинялось законам «зрелища». «Взрыв визуальности» в индустриальную эпоху, который стал предметом изучения социальной философии, также актуализировал его изучение. В ряде культурологических концепций (Ж. Бодрийар, Ж. Делёз, С. Жижек, У. Эко, Ж. Лакан) зрительное восприятие (видение) представляется важной инстанцией формирования идентичности, так идеология, зашифрованная в зрительных образах (артефактах), непосредственно участвует в формировании субъективности индивида и общественного сознания на уровне бессознательного.

Начало «визуального поворота» связывают с выходом в 1986 году книги «Видение и визуальность» под редакцией Х. Фостера. Возникают новые интеллектуальные направления – визуальная социология, визуальная антропология, начинает издаваться журнал «Visual Sociology». Вопросами конструирования реальности, взаимосвязи её основополагающих компонентов и роли в этом зрительных образов занимались П. Бурдьё, М. Фуко, Т. Адорно, Ф. Гватари. В 90-е годы XX века в социологических школах наблюдался резкий рост исследований визуального. Появляются социальные теории визуальности (Г. Полок, Ф. Джеймисон, Дж. Вульф). Они включали в себя изучение взаимоотношений фотографии и власти, статичные и динамичные формы визуальной коммуникации: кино, дизайн, рекламу, моду, имидж, эстетику окружающей среды. Конрад Фидлер, подвергнув основательной критике платонизм и кантианство, главную роль в конструировании и репрезентации реальности отвел функции зрительного образа. Последователь его философии «нео-иконопочитания» Готфрид Бём положил начало специальному разделу философии о зрительных образах и логики их восприятия, предложив термин «иконический поворот» (Iconic turn). Был поднят вопрос о возможности применения визуального образа и его способности воздействовать на сознание человека и обнаружена генетическая связь воображения с интеллектуальной и визуальной культурой индивида. Социальное значение и роль зрительной информации высоки. Подавляющее количество информации о мире человек получает через невербальные, визуальные языки коммуникации. При этом любой зрительный образ – сообщение.

Российские философы В. А. Жуковский и Д. В. Пивоваров обратили внимание на то, что за обработку зрительной информации отвечает правое полушарие, способное к одномоментному и целостному «схватыванию», обеспечивающему создание целостного образа и многозначного контекста. Большой частью материала для процесса сознания служит зрительная

информация. При этом любой зрительный образ трактуется как сообщение; с помощью вербального языка человек получает не более 30 % информации, остальную – на языке визуальных образов. Специфику мышления, связанную с церебральной асимметрией мозга, исследовал И. П. Меркулов. Два типа мышления также выделял Р. Сперри, разделив его на пространственно-образное и логико-вербальное. В. А. Лекторский, выделяя повышенное значение зрительного восприятия, обнаружил особый вид получения знания, характеризующийся переживанием от непосредственного контакта с реальностью. На фундаментальную особенность целостности процесса восприятия указывает Л. А. Микешина.

На сегодняшний день, анализу особенностей восприятия визуальной культуры посвящены многие междисциплинарные исследования. В научных исследованиях «языка визуальности» особенно выделяются: Российская ассоциация визуальной антропологии, Центр визуальной антропологии Новосибирского государственного университета, МГУ, ЕГУ, Пермский государственный университет и ряд других вузов и научных центров. Внимание медиафилологов СПбГУ направлено на изменение мышления и новые средства коммуникации в условиях глобализации культуры, и делается вывод, что современная культура без медиа невозможна.

В истории философии зрительно-образное восприятие иногда отождествлялось с понятием «созерцания», накопившего множество противоречащих друг другу значений. Таким образом, в работах российских и зарубежных учёных были сделаны первые шаги системного изучения зрительно-образного восприятия, но нет исследований его как способа постижения бытия в контексте самобытности русской культуры.

Раздел I

В поисках постижения видимого

Глава 1

Этапы эволюции философского осмысления зрительного восприятия

В истории философии можно обнаружить несколько видов получения знания. В этом ряду восприятию, как виду знания не всегда находилось место.

На раннем этапе генезиса европейского общества, особенно в эпоху античности, главенствовал архаичный тип мировоззрения, в котором зрительно-образное восприятие рассматривалось как первоисточник всякого знания. «Нет сомнения, что наиболее древний социокультурный образ философа связан с понятиями созерцание, умозрение, спекуляция»⁶. Традиционное мировосприятие оперировало пространственными категориями. В процессе концептуализации когнитивной мифологической основы, что было не чем иным, как зарождением философии, на первое место стала выдвигаться вербальная традиция. Культура слова постепенно обретала публичность, одновременно с этим сакральность зрительного образа утрачивала свою аксиологическую неприкосновенность. Таким образом, наметились два направления мысли, связанные с формально-логическим и зрительно-образным мышлением соответственно.

На следующем этапе в византийском социально-философском дискурсе, синтезировавшем античную и ближневосточную визуальную традицию на основе христианской идеи боговоплощения, получила развитие теория образа, ставшая приоритетным направлением в эволюции восточно-христианской культуры. Важнейшей предпосылкой эстетического сознания византийца стала своеобразная гносеология, постулировавшая идею невозможности полноценного выражения духовного опыта с помощью формально-логического, понятийного аппарата. Зрительный образ конституировался как главнейший источник информации в обществе. Вместе с тем социокультурная динамика Восточной империи сохраняла и сакральную природу слова. Будучи одним из наиболее значимых теоретиков православного мировоззрения, Григорий Палама учил, что для духовного опыта и совершенствования личности также важны «материя рассуждений» и слово.

Например, в эпоху господства рационалистических идей у Декарта, Спинозы и других восприятие часто отождествлялось с ощущениями. Оно не рассматривалось в качестве знания, к нему относились как к «смутному знанию», и поэтому, восприятие не могло содержаться в основе познания. В рамках этой философской традиции, контакт с реальностью, осуществляемый восприятием, представлялся мнимым и ложным. У представителей школы эмпиризма и у философов-материалистов, таких как Д. Беркли, Д. Юм, Д. Локк, Д. Гартли, восприятие неизбежно участвовало в формировании системы знаний. Однако все они сталкивались при этом с серьезной проблемой: как показывал их опыт, восприятие способно вводить человеческий разум в заблуждение, и, таким образом, вставала насущная задача в составе самого восприятия – выделять такие его составляющие, которые являлись бы столь непосредственными, что не подлежали бы сомнению. В качестве таких составляющих «эмпирики» ввели в

⁶ *Пржигеленский В. И.* Дотеоретические искусства, социальные практики и «идеальные типы» философствования // Философские науки. 2011. № 11. С. 19.

рассмотрение элементарные «атомы» чувственных ощущений. И после этого реабилитированное таким образом восприятие также могло уже участвовать в познании, формируя информацию на основе «законов ассоциаций». Эти идеи были заново осмыслены и впоследствии заложены в основу экспериментальных исследований в психологии XIX – начала XX столетия. Восприятие, в отличие от ощущения, предполагало некоторую минимальную работу ума. Такая слабая включённость деятельности ума в процесс восприятия объяснялась особой ролью «закона ассоциаций», который, в свою очередь, и выступал производным результатом человеческого опыта. Эмпирическую линию в философии XX века продолжили такие направления западной философии: неореализм, логический позитивизм, критический реализм и другие. Вопрос шёл о логике построения процесса восприятия на основе чувственных данных. Но, методика построения восприятия на основе чувственных данных, оказалась научно непродуктивной. Пришлось согласиться с тем, что построение восприятия логическим методом из чувственных данных невозможно. Было признано, что идентификация чувственной информации возможна только на основе уже существующего восприятия, так как поток чувственной информации не исчисляем и бесконечен.

По причине теоретической необходимости получения достоверного знания, развития математики и теоретического естествознания, Новое время ставит на повестку дня вопрос о происхождении и возможности получения такого знания. Пытаясь выявить соотношение разума и чувств, немецкая философия устанавливает различия между теоретическими (математика, наука) и практическими (мораль, религия) разновидностями разума (Кант), а также устанавливает соотношения путём введения новых категорий – «рассудка» и «разума», «рационального» – «иррационального» (Гегель). В рамках философско-антропологической проблематики развернулся процесс «научного разума», как неадекватному целостному бытию, а поэтому требующему синтетического анализа, включающего «высокую разумность» как философского, так и морального, и религиозного сознания.

Со временем поиск новой рациональности, как новый и синтезирующий образ, преодолевает установившиеся смыслы этого понятия. Под этим усматривается переход от анализа рефлексивного сознания к анализу бессознательного. Жёсткое противостояние рационального – иррационального, разумного – неразумного, науки – псевдонауки, предопределялось синтезом новой научной парадигмы, а именно, постнеклассического направления. В нем исследователи обнаружили не противостояние древних принципов познания, а новые взаимоотношения, определяя их как «рационализация-иррационального». Долгое время господствовала позиция материалистической философии. Но в начале XX века факты, обнаруженные гештальт-психологией, поставили под сомнение эту позицию. Наметился поиск новой рациональности как нового и синтезирующего образа, преодолевающего установившиеся смыслы⁷. Под этим усматривается переход от анализа рефлексивного сознания к анализу бессознательного. Павел Флоренский называл зрительное восприятие «благороднейшим из способов восприятия», рассматривая его в качестве «подсознательного познания» и указывая на способность зрения «браться за вещи активной пассивностью, – трогать их, не искажая, не вдавливая, не сминая»⁸.

В западной философии (в работах Д. Мура, Б. Рассела и других) были обнаружены некие чувственные данные, из которых формируется восприятие, – они лежат вне нашего сознания, имеют личный характер и зависят от состояния самого акта сознания. Характер этих чувственных данных, как показал В. А. Лекторский в «Эпистемологии»⁹, имеет весьма парадоксальный характер. В 60-е годы проблемой передачи и усвоения информации занимался известный канадский социолог и культуролог Маршалл Маклюэн. Он обратил внимание на то, что

⁷ Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988. С. 46–51.

⁸ Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 134.

⁹ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 122.

реальность в средствах массовой информации есть не то, чем она является по своей сути, но то, как она «репрезентирована» визуально, подана человеку, поскольку, по терминологии Флоренского, визуальная реальность воспринимается целостно и весьма конкретно. Изучив историю развития западного общества, канадский «медиагуру» выделил два революционных события, изменивших мировосприятие европейца, считая первой коммуникационной революцией изобретение печатного станка Гуттенбергом¹⁰. Европейская цивилизация делала резкий поворот. Философия Маклюэна стала поворотным пунктом: вербальная традиция в вопросах о способах получения знаний стала значительно преобладать над визуальным восприятием. Второй культурной революцией Маклюэн считал появление электронных средств связи, которые стали полностью определять содержание и социальные функции культуры, актуализировав собой проблему зрительно-образного восприятия. Возникновение электронных средств связи было связано с новым этапом технотронной цивилизации. В 70-е годы этой проблемой занимается Ю. Каргаманов. «Место читателя, склонённого над книгой, обособленного, задумчивого, вынашивающего свою “точку зрения”, что-то планирующего, о чём-то мечтающего, занимает телезритель, “с открытым ртом и горящими глазами” следящий за экраном, погружённый в “здесь” и “сейчас”»¹¹, – резюмирует советский учёный.

В истории этого философского дискурса проблема зрительно-образного восприятия была тесно связана с проблемой отношения сознания к реальности. Философское самоосмысление предмета нашего исследования неизбежно сопровождается актуализацией его прошлого. В процессе исследования выкристаллизовывалась оппозиция «классическое – неклассическое». Иначе говоря, процесс самоосмысления – это его «онастоящивание» (*Vergegenwärtigung*): в классике обнаруживаются потенции или интуиции и неклассического опыта. Философы прошлого становятся нашими современниками, а тот, кто делает или «застаёт» их таковыми, получает упрёк в том, что для него нет истории и «все кошки серы». В истории этого философского дискурса проблема зрительно-образного восприятия была тесно связана с проблемой отношения сознания к реальности.

С первых же шагов осмысления мира философия стремилась найти точку пересечения двух непересекающихся направлений – ряда вещей и ряда мысли. В рамках этой проблематики наблюдался периодический выход философской мысли в область трансцендентного познания мира. Жёсткое противостояние рационального – иррационального, разумного – неразумного, науки – псевдонауки предопределялось синтезом новой научной парадигмы, а именно постнеклассического направления. В нём исследователи обнаружили не противостояние древних принципов познания, а новые взаимоотношения, определяя их как «рационализацию иррационального»¹².

Здесь нет особой нужды говорить о формировании понятия зрительно-образного восприятия, и его подробного изложения в философских науках, но некоторые сведения будут иметь для нас общеметодологическое значение. В формировании понятия в том виде, в каком оно существует сегодня, большую роль сыграли различные факторы: открытия в области экспериментальной психологии, физиологии, а также мировоззренческие и социокультурные изменения в информационном обществе и пр. Все они в той или иной степени повлияли на современные методы исследования и общую картину его репрезентации обществу.

Совсем недавно восприятию как способу получения знаний в истории философии отводилось скромное место. Иначе дело обстоит сегодня. В эпоху электронных средств коммуни-

¹⁰ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2005.

¹¹ Каргаманов Ю. Возвращённый рай Маршалла Маклюэна // Иностранная литература. 1972. № 1.

¹² Калишченко В. В. Понятие «классического» и «неклассического» в философии М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. С. 219.

каций проблема восприятия обнаруживает магистральную позицию в социальной философии и новый вектор человеческих способностей.

Глава 2

Визуальная риторика в античной традиции

Две с половиной тысячи лет назад досократовские философы задали себе много вопросов. Но только один из них – «Что есть бытие сущего?» определил дальнейшее развитие европейской мысли¹³. Именно здесь производным из бытия сущего обнаруживается мышление. Но из слов Парменида явствует, что мышление осуществляется через восприятие. Иначе говоря, сущность мышления – это восприятие бытия сущего.

Ведь то же самое есть восприятие и то,
ради чего оно (восприятие) есть.
Ибо без бытия сущего, в котором
сказалось оно (т. е. восприятие),
восприятие тебе не найти.

(Парменид. Фрагм. VIII, 34/36).

Эта мысль долгое время была не замеченной. И вот, развивая её, Хайдеггер ставит вопрос: «Что значит мыслить?». И поясняет. «Главная черта мышления, существовавшая до сих пор, – это восприятие. Способность к этому называется разумом»¹⁴. В греческом языке слово восприятие означало присутствие чего-либо, поставленное перед собой, наличествующее. Присутствующее в его реальном присутствии – представлено, репрезентировано. Иными словами, восприятие бытия и есть явленность, наличность, присутствие, несокрытость. Это то, что себя проявило. Поэтому, его можно созерцать, постигая сущность.

История нашего философского дискурса началась в Древней Греции, где исключительное место в познании принадлежало созерцанию. «Фундаментальная значимость для европейской культуры гегемонии зрения и визуальной метафоры стала осознаваться достаточно давно. Ещё со времён Платона и Аристотеля греки понимали познание как род видения, созерцания, и отношение к сущему они проясняли себе через зрение»¹⁵. Но, на самом деле, если быть в этом отношении беспристрастным, обнаруживается, что созерцание, как феномен познания не имеет определённого временного начала. Родственное, очень близкое, мировосприятие часто встречается в архаике. Например, в самых ранних структурных элементах древнеегипетской предфилософии мы обнаруживаем тексты космологического содержания, в которых созерцанию отводится первостепенная роль в познании. Начиная с 2500 года до н. э. и заканчивая рубежом эллинистической эпохи (около IV века до н. э.), «космологические концепции были первыми попытками <...> осмысления древним человеком фундаментальных вопросов онтологической проблематики»¹⁶. Поэтому не удивительно, что зарождение философии в жизни Древней Греции было связано с появлением новой космологической концепции. Философское осмысление мира родилось из критико-рефлексивной оценки мифа и религиозных культов как интеллектуальное стремление к созданию единой рациональной космологии. В этом смысле представляет интерес следующее. Во время раскопок в начале XX века были обнаружены таблички с неалфавитным письмом, названным впоследствии нелинейным письмом А

¹³ Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: сборник. / Пер. с нем.; под ред. А. Л. Доброхотова. М.: Высшая школа. 1991. С. 143.

¹⁴ Хайдеггер М. Что значит мыслить? С. 142.

¹⁵ Микешина М. А. Философия науки. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 52.

¹⁶ Жданов В. В. Онтология и этика в дофилософских культурах древности: древнеегипетская теокосмология // Философский дискурс в традиции духовных культур Запада и Востока: монография. М.: РУДН, 2009. С. 8.

и Б. Оно представляет собой графическую систему знаков, достаточно чётко и ясно выражающую некоторые образы, понятийные идеограммы, цифровые и метрические значения. Это даёт нам право считать, что греческая цивилизация возникла не в VIII веке до н. э., а в конце XV века до н. э. или ещё раньше с появлением дешифрованных ныне текстов. Предшествующее крито-микенское мировоззрение отличалось целостностью системы сакрального сознания, в котором культ – это природа в миниатюре. В этой культуре осязаемый человеком мир носил сакральный смысл, а зрительно-образное восприятие обожествлялось с его познанием. Культура мыслила пространственными категориями. Восприятие и осмысление мира выражались в особом отношении к форме и «идее» красоты. «В наиболее чистом и непосредственном виде античная пластическая эстетика»¹⁷, как пишет А. Ф. Лосев, сформировалась в архаический период, в уже упомянутую нами крито-микенскую эпоху. Немногочисленные и малоизученные, к сожалению, памятники этого времени поражают своим совершенством формы и удивительной точностью изображения. Искусство IX–VIII веков до н. э., в котором заметно преобладал геометрический стиль, «в большинстве случаев есть не что иное, как символическое или идеациональное искусство»¹⁸, – и, по признанию специалистов, даже являет собой вершину мировой пространственной образности.

Древнейшая европейская культура микенцев с «огромным и тончайшим развитием мастерства <...> и в архитектуре, и в керамике, и в живописи, <...> украшениях и туалетах»¹⁹ была почти полностью разрушена в результате многочисленных атак со стороны «народов моря». В результате этой миграции также было разрушено Хеттское царство, а египтяне оставили азиатские владения. С IX века начала формироваться новая цивилизация; при этом, как свидетельствует археология, здесь очевиден не разрыв, а преемственность цивилизаций²⁰.

Именно с этим событием связано формирование новой культуры, в которой греки впервые поставили устную речь на первое место. Это выразительно воплотилось в лице Гомера, слепого греческого поэта. В его творчестве, хотя и выраженном в словесной форме, всё ещё сохранялась архаичная модель мировосприятия, отождествлённая в тезисе: форма – отражение сущности. Красота в поэзии Гомера есть отражение божества. Это делает его творчество чрезвычайно онтологичным. Он не отделяет сущность от её явленности, утверждая в словесных образах этот «принцип абсолютного тождества»²¹. Греческий поэт не стремится отделить идею от формы, противопоставив внутреннее содержание внешнему. Красота для него – это ещё в определённой степени «то самое, что она есть». И всё же, греческое общество получило при этом новый творческий принцип: слово стало обретать публичность, а письменная культура – бóльшую доступность. Сакральность пространственно-образной символики, сохранявшая до этого древнейшую преемственность, теперь публично оспаривается мудрецами, лишаящими её своей прежней таинственности и магической значимости.

Культоцентрическое мировоззрение, преобладавшее в архаический период, постепенно теряет свою целостную значимость. Изначальный постулат «культ – природа в миниатюре» теряет своё значение. Культ перестал быть центром Вселенной. Представление о космосе становится понятием философско-физическим. Секуляризация культуры и усиление значимости слова, в конце концов, послужили предпосылкой для создания философских систем и способствовали развитию наук и литературной традиции. При этом важно заметить, что предшествующее преобладание пространственной образности как структурообразующей категории феномена архаической культуры воплотилось в новой космологической концепции.

¹⁷ Лосев А. Ф. Эстетика доклассическая. Гомер // История эстетической мысли: в 6 т. М.: Искусство, 1982. Т. 1. С. 152.

¹⁸ Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2000. С. 131.

¹⁹ Лосев А. Ф. Эстетика доклассическая. Гомер. С. 152.

²⁰ О Микенской цивилизации см.: Шаму Ф. Цивилизация Древней Греции. М.: АСТ, 2009. С. 14–28.

²¹ Лосев А. Ф. Эстетика доклассическая. Гомер. С. 155.

В VI веке до н. э. милетцы создали зрительно-образную модель миропорядка. Архаичское мировосприятие, не отделявшее форму от сущности, отразилось и в философии. Анаксемандр, ученик «первого философа» Фалеса, предложил «увидеть» Вселенную. Слово «теория» приобрело совсем иное значение и содержание. Теория (theoria) космоса Анаксемандра происходила от *theōgion*, что значит «созерцать», «смотреть», «наблюдать». Новизна его теории состояла в том, что теперь предлагалось материализовать мифологическое понятие в пространстве так, чтобы оно стало доступно формам логического мышления в специальных системах объяснения. Понятия «верх» и «низ», имевшие в мифологии смысл противоположных духовных сущностей, превратились в геометрические отношения, устранявшие иерархию миропорядка. «Негеометр не войдёт!» – велел начертать над входом в Академию Платон. «Ты не замечаешь, как много значит и меж богов, и меж людьми равенство – я имею в виду геометрическое равенство <...> Это оттого, что ты пренебрегаешь геометрией»²², – учил Платон.

Здесь всё ещё усматриваются характерные черты древнего созерцания бытия как такового, но в самосознании античной культуры – зрительно-образное восприятие уже другое. Можно сказать, что это бездеятельное всматривание в черты телесных и бестелесных эйдосов, но оно уже не то архаичное «глядение», а новое «созерцание», «умо-зрение» в буквальном смысле этого слова. «Такое содержание вещей, которое желает быть “бескорыстным” и потому безразлично к каузальности, но очень остро заинтересовано в формах вещей, в их эйдетике»²³. Эйдическое содержание зрительно-образного восприятия осмысливается как наиболее почтенное и высокое делание ума. Результаты такой деятельности получают выражение в логических, математических и абстрактных мыслительных формах. Вместе с этим наметилась новая тенденция в направлении мыслетворчества. Умозрительный мир древнего грека становится исчисляемым и превращается в конечную величину в пределах человеческого разума.

Приоритет в средствах познания, принадлежавший мыслительным зрительным формам, постепенно смещается в сторону форм логического, абстрактного мышления. На какой-то момент, а точнее в период эпохи классической культуры Древней Греции, ещё наблюдалось равенство двух этих принципов. В «Диалогах» Платона, например, мы можем найти и формально-логические, и визуальные формы познания. Но вместе с тем уже там раскрываются образцы перехода процесса осмысления реальности из формы вещи в форму его описания и дефиниций, и при этом становится заметно провозглашение нового приоритета в познании – словесного способа выражения мысли. Сократ всякий раз начинал беседу словами: «Заговори со мной, чтобы я тебя увидел».

Но даже на фоне таких изменений крито-микенская мировоззренческая наследственность в отношении к зрительному восприятию всё ещё сохраняла свою значимость в античной культуре. Это отчётливо выразилось в известном постулате о том, что «зрение вообще выше всяких других чувственных ощущений»²⁴. Развивая древнюю традицию, Платон ввёл в философию понятие «око души», в котором этимология слова «око» – «круг», символ совершенства. Через «око» душа воспринимает мир, читает его. Видимый мир – пища для души, а глаз или «око» в этом смысле – рот, питающий и наполняющий душу и ум всем необходимым. «Благодаря всему этому (зрительному восприятию. – *Авт.*) мы обладаем некой философией – таким благом, лучше которого ничего ещё не было, да и никогда не будет ниспослано в дар роду смертных от богов»²⁵.

Древнегреческая гносеология изначально исходила из принципов зрительно-образного восприятия. Термины «эйдос» и «идея» этимологически восходят к глаголу «видеть». Само-

²² Платон. Сочинения: в 4 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 508, а.

²³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. С. 52.

²⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1974. Т. 3. С. 294.

²⁵ Лосев А. Ф. Эстетика доклассическая. Гомер // Лосев А. Ф. История эстетической мысли: в 6 т. Т. 1. Древний мир. Средние века в Европе. М.: Искусство, 1982. С. 598.

сознание античного социума, выразившееся в высокой осмысленной деятельности ума, раскрывалось не в живом интересе созерцания бытия как такового, а в созерцании формы вещей, их эйдетике. Эта сторона культуры оценивается как наиболее почтенная и достойная. «Слово “теория”, приобретшее для нас совсем иное содержание, означало для грека, собственно говоря, “созерцание”, почти “глядение”, бездеятельное и бескорыстное всматривание в черты телесных и бестелесных эйдосов, т. е. “умо-зрение” в самом буквальном смысле слова»²⁶. Философская терминология была тесно связана с визуальным мышлением: «эйдос», «идея», «теория» этимологически восходили к словам «вид», «видеть» и «созерцать».

На заре европейской философской мысли древние греки зрительно-образному восприятию придавали приоритетное значение. Восприятие как вид знания мы впервые обнаруживаем в диалектике Платона. Он усматривал прямую связь между зрением и пониманием. В его фундаментальном труде «Государство» проводится эта аналогия, где зрение и познание отождествляются. Платон находит некий третий род, образующий связь между зрительным ощущением и зрительным восприятием, которым является свет. Так, источник света (у него это метафора и реальность) – Солнце. Оно есть не само зрение по сути своей, но является его причиной. Значит, и Солнце не есть зрение. Хотя оно причина зрения, но само зрение его видит, – делает вывод философ. Теория зрения более полно раскрывается Платоном в диалоге «Тимей». По его теории, внутри нас обитает «чистый огонь», который изливается из наших глаз. Процесс восприятия раскрывается в следующем. Внешний свет, воспринимаемый зрением, обволакивает этот исходящий из нас «чистый свет» по принципу «подобное притягивается к подобному». Они сливаются, образуя единое и однородное тело. Так, по Платону, рождается зрительный образ – как слияние внутреннего и внешнего огня. Потом эта мысль получит теоретическое продолжение в византийской философии, в световой эстетике. Советский физик академик С. И. Вавилов продолжил идеи Платона в работе «Глаз и Солнце». Лучи, исходящие из глаза, он сравнивает с щупальцами и пишет, что «лучи, создающие изображение, идут не от источника к глазу, а наоборот, и что глаз каким-то образом чувствует первоначальное направление вышедших из него зрительных лучей»²⁷.

Особенность зрительного восприятия была предметом внимания также в философии Эмпедокла, Анаксагора, Гераклита. В их трудах наметилось начало философского осмысления этого феномена, и впервые был поставлен вопрос об отношениях между восприятием и умом. При всей своей кажущейся наивности их наследие оказалось первой философской попыткой вывести проблему восприятия за рамки чувственных ощущений. Эмпедокл будто бы видел критерий истины не в ощущениях, подчеркивая, что чувственное восприятие во многих отношениях недостоверно. В качестве судьи над всем и судьи всего, главным критерием стал выступать разум, – но не разум вообще, а разум научный, проистекающий из знаний. «Отсюда крупнейший из физиков, Анаксагор, порицая чувственные восприятия как бессильные, утверждает: “Из-за их слабости мы не в состоянии судить об истинном”»²⁸. Постигание истины в сущем подвластно только правильному разуму, – продолжал Секст Эмпирик.

В итоге в философии Древней Греции наметились два направления мысли. Первая рассматривала зрительно-образное восприятие как способ получения знания за пределами чувственного восприятия мира и логических построений, а вторая рассматривала способ получения знания рациональным, формально-логическим мышлением. Вторую линию развивал ученик Платона, критик его теории «идей» и основоположник науки логики Аристотель. «Аристотель пошёл путём онтологизации логико-вербальных структур <...> Тотальная “пропозициональная” парадигма сформировалась в условиях преимущественно речевой культуры и веры

²⁶ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. С. 52.

²⁷ Вавилов С. П. Глаз и Солнце. М.: АП СССР, 1961. С. 11–12.

²⁸ Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 78.

в особую магию слова»²⁹, продолженную западной философией, – заметила П. П. Гайденко в статье «Волонтиативная метафизика и новоевропейская культура»³⁰. Две основные научные стратегии осмысления восприятия сохранились, но новоевропейская философия будет развивать преимущественно логико-вербальные, рациональные структуры мысли.

²⁹ *Опёнков М. Ю.* Виртуальная реальность: онто-диалогический подход: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. С. 11.

³⁰ *Гайденко П. П.* Волонтиативная метафизика и новоевропейская культура // Три подхода к изучению культуры. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Глава 3

Роль зрительного образа в святоотеческой традиции

В первые века новой эры интеллектуальным и духовным центром мировой культуры становится Александрия, где сконцентрировалась вся мудрость Востока и Запада. Уникальное географическое положение в устье Нила, а также взаимопроникновение карфагенской, малоазийской и древневосточной культур способствовали синтезу культур древнего мира, что в свою очередь оказалось хорошей предпосылкой для формирования теории зрительного образа. В процессе переосмысления египетских, ассиро-вавилонских, семитских и античных идей и на основе христианской идеи боговоплощения шло формирование нового мировоззрения.

Теория образа (символа, знака), по сути синтезировавшая античную и ближневосточную зрительные культуры, состояла в следующем. Мировоззрение Древнего Востока (за исключением иудейской культуры) в традиционной своей основе характеризовалось «антивербальной» направленностью, что выразительно отразилось на примерах «эстетики молчания». Античная наука и философия, на что в своих трудах указывал А. Ф. Лосев, в своей древнейшей основе, также теснейшим образом была связана с преобладанием зрительного мышления в мировоззрении. Но, как нам известно, о полном преобладании зрительно-образного восприятия в культуре Древней Греции говорить не приходится. В платоновско-пифагорейской философской традиции наблюдалось разделение мира на мир видимый и мир умопостигаемый.

Характерная византийская оппозиционность к античному философскому наследию, парадоксальным образом наследовала её некоторые эстетические разработки в области пространственно-образного восприятия. Византийская философия создала антипод этим древним традициям на основании христианской доктрины. В концепции нового мировосприятия объединились основные сферы культуры – онтология, философия, гносеология, искусство и религия. Осуществление этого синтеза стало возможно в результате новой концепции – теории зрительного образа.

Предпосылкой для построения нового мировоззрения и зрительно-образной культуры была библейская мысль о том, что сам Бог творит весь мир и создаёт образы видимых вещей. Идея творения мира из ничего, и осознание сверхразумного опыта в качестве его более высокой формы и глобальный символизм, – стали основой мировоззрения. Уподобляясь Творцу, человек преобразует мир и создаёт зрительные образы, по Его «образу и подобию». Таким образом, рассуждал Экзарх Болгарский, сам Бог указал человеку быть «со-творцом» вещей видимых, что явилось примером для творчества художника.

Вторая предпосылка имела основанием веру в «воплощённый Логос», как величайшее из творений Божьих. На этом основании утверждается канон о «боговоплощении». Бог сам воплотился в теле человеческом, стал осязаем очами телесными, а значит, явил Себя в зрительном образе людям. Проявление сакральной сущности в видимом образе, в осязаемом глазом явлении Бога-человека, было главным доказательством в богословско-философских спорах о каноничности зрительного образа. Аргументом в защиту этой позиции приводились: предание о «Нерукотворном Спасе» и первые иконы, написанные апостолом Лукой и его учениками. Проблема образа и теория изображения оказалась центральной в европейской философской мысли на протяжении многих веков. Столь глубокая и всеобъемлющая разработка проблемы зрительного образа в истории мировой философской мысли, как считают многие исследователи, – явление уникальное и беспрецедентное. Первоидеей творчества был постулирован пример создания образа «по подражанию» оригиналу. В данном случае подразумевалось, что в качестве оригинала Бог использовал самого себя, и «по образу и подобию» создал «венец природы» – человека.

Образ (икона) в византийской культуре стал предметом философского анализа и важнейшей эстетической категорией православной цивилизации. Он пронизывает все формы творчества, выражаясь в иконописных образах, словесно-поэтически, философски, в богослужебных текстах, в символике сакральных действий, а также является в наглядно-образных знамениях, видениях и т. д. Христианская культура – несомненно культура образа в его онтологическом смысле. Византийская и древнерусская культуры – это в большей степени культуры зрительного образа, нежели культуры словесного образа в буквальном его смысле. «Так видимый образ занимает более значимое положение, а в восточной культуре даже главное»³¹. На сакрально-бытийственном, или онтологическом уровне, византийская, и в большей степени русская – это культуры зрительно-образного типа восприятия.

В сферах индивидуально-социальной организации бытия «слово» активно функционировало преимущественно в светской литературе и на бытовом уровне. На начальных ступенях познания Истины, то есть на путях постижения и передачи смыслов «тварного» мира, в богословии и философии, а также в сферах организации социальной, индивидуальной, политической жизни, была активно задействована (вербальная) словесная традиция. Но в целом «возникшее не на эллинской, а на восточной основе христианство сумело отказаться от основополагающих принципов античного мышления и античной культуры, пытаясь тем самым преодолеть и духовные тупики этой культуры»³². В области познания структурным принципом новой философии постепенно становилась библейская концепция творения мира «из ничего». Такой внерациональный характер творения, прежде всего с неутилитарных позиций, изменял отношение к материальному миру. В результате это стало стержнем внерационального, и в особенности эстетического, подхода к миру. Материя осмыслялась носителем духовного начала, что нашло своё отражение в развитии концепции приоритета зрительного восприятия в сознании византийцев. С тех пор проблема выражения духовных сущностей в зримых материальных формах стала центральной в византийской философии.

Иррациональный тип мышления занимает особое место в сфере познания, с характерной для этого процесса «рационализацией иррационального» (В. А. Лекторский). В целом, византийская философия актуализировала признание внерационального, интуитивного, мистического как равноправных и достоверных способов познания бытия. Философско-богословское понятие «красоты» в этом направлении мысли обрело онтологическую бытийственность. «Высшая красота», недоступная формально-логическому мышлению, воплотилась в иконическом символе, став доступной зрительному мышлению. Лейтмотив новой творческой концепции актуализирует проблему этого типа мышления и зрительно-образного восприятия, способствуя теоретическому развитию этой концепции. Красота естественного мира и красота сотворённых человеком артефактов несут в себе духовную основу, а не просто утилитарную функцию. Такой идеал человеческого бытия привёл к переносу онтологической, аксиологической и гносиологической сферы в область зрительно-воспринимаемых явлений, артефактов и предметов общественной жизни.

Первым из философов, пытавшимся создать систематическое христианское учение, был Ориген, напомнивший alexandрийцам, что и апостолы, и библейские пророки обладали сакральными знаниями, недоступными формально-логическому мышлению. Таким образом, сын христианского мученика Ориген актуализировал древний вопрос трансляции истинных знаний «антивербальным» способом, в очередной раз поднимая проблему зрительного восприятия. Идентифицируя себя как христианского философа, он напоминал, что апостол Павел «слышал слова, которые человеку нельзя пересказать» (Кор. 12.4). В вербальной по форме, но в наиболее мистичном по содержанию «Апокалипсисе» Иоанна Богослова говорится, что не

³¹ Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры. СПб., 1999. Т. 2. С. 497.

³² Бычков В. В. Александрийский эллинизм // История античной эстетики. 1984. Т. 1. С. 240.

всё позволено выражать и записывать словами, «я хотел было писать; но услышал голос с неба, говоривший мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего» (Откр. 10.4).

Рассуждая над этой проблемой, Маршалл Маклюэн пришёл к неожиданному выводу. Ссылаясь на труды Фомы Аквинского, наиболее цитируемые в современной философии, автор объясняет, что «будучи учителями, Сократ и Христос, не связывали свои учения с письменностью»³³. Род человеческий был создан созерцателем и его ум покоился, так как доступ к знанию сущего первоначально ему был открыт, утверждал Афанасий Александрийский. Бытийственность первого человека была в гармонии с миром, он жил совершенной жизнью, наслаждаясь созерцанием и любовью к Создателю, пишет Афанасий. Но человек увлёкся «любопытством» и возжелал всё рационально осмыслить, что привело к утрате единства и целостности его сознания и природы.

Филон Александрийский, родившийся на 15–25 лет раньше Иисуса Христа и умерший спустя 10–20 лет после его распятия, впервые включил «проблему образа» в философский контекст. Для описания видимого мира на вербальном уровне он стал использовать новые термины: «образ», «знак», «символ». Среди представителей этой школы следует отметить ещё Климента Александрийского, который «сделал учение об образе главным пунктом своей мировоззренческой системы. Образ начинает играть у него роль структурного принципа, гарантирующего целостность всей системы»³⁴. Проблему восприятия и механизмы воздействия зрительных образов на сознание активно изучали Плотин и «великие каппадокийцы». Из чувственных органов самое ясное представление об окружаемом мире имеет зрение – так вслед за Платоном идею главенства зрительного восприятия развивал Василий Великий. Он утверждал, что образ, написанный живописцем, «затмевает» и «освящает» неясность словесного изображения. «В противовес западной традиции отцами восточной церкви подчеркивалась особая важность зрения как первоисточника знания, а изображение трактовалось как полномочная репрезентация истины»³⁵. В христианском эллинизме (I–IV века н. э.) приоритет этих принципов восприятия нашёл своё развитие в катакомбном искусстве, разработавшем идеографическую систему проповеди, выражавшую истину в символической форме.

Изучая социальную и культурную динамику нашей цивилизации, П. Сорокин выделял катакомбное искусство как наиболее чисто символическое и трансцендентное по форме и содержанию. «И действительно, самое раннее христианское искусство – катакомбное – было практически чисто идеациональным – символическим и трансцендентным как по форме, так и по содержанию»³⁶. Основанием символотворчества этой эпохи была «неотмирная» ментальность, постигавшаяся посредством зрительно-образного восприятия. К осознанию невозможности формально-логического познания первопричины пришла религиозная гносеология IV–VI веков и «перенесла завершение познания в (высший его этап) сферу неформализуемых феноменов и неопишуемых мистических действий»³⁷. Проблема непонятного, невербального (образно-символического) выражения сакральных сущностей начинает играть ведущую роль в развитии европейской культуры. Христианская философия (византийская патристика), как идеалистическая форма отражения поздней античности, продолжила её накопленный опыт раскрытия смыслов в наглядных образах сакральных обрядов. В Восточном христианстве в противовес провозглашённому на Западе приоритету разума и формально-логического мышления был декларирован свой принцип познания бытия. Иррациональный способ постижения

³³ Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Фонд «Мир», 2005. С. 182.

³⁴ Бычков В. В. Формирование основных принципов византийской эстетики // Культура Византии. 1984. Т. 1. С. 513.

³⁵ Савчук В. В. Кровь и культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 121.

³⁶ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб.: СПбГХГИ, 2000. С. 142.

³⁷ Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. Т. 1. Раннее христианство. Византия. М.; СПб., 1999. С. 287.

мира, мистический опыт и религиозная аскетика конституируются в культуре, получив философское осмысление и сформировав онтологическую эстетику.

В системе общественных отношений была задействована практически вся зрительно-образная сфера культуры. Гносеологическая и онтологическая составляющие византийской культуры во многом моделировались посредством зрительного мышления. Сформировавшаяся в лоне этой традиции концепция иконического символа (образа) на несколько веков стала магистральным направлением религиозно-философской мысли. Все виды искусства генерировались одной «сверхидеей», наилучшим образом реализовавшейся в литургическом действии. Для этого использовался весь предыдущий опыт эмоционально-эстетической традиции.

Зрительно воспринимаемые предметы культа и сакральные символы богослужения, представляют собой двойную природу. Они одновременно и трансцендентны, и имманентны для мира сущности. Для человека это материальные (видимые) и духовные («незримые телесными очами») сущности в одном лице. Образ имеет и материальную (временную, смертную), и духовную (вечную, сакральную) природу одновременно. Поэтому его сущность антиномична, она не просто обозначаемое, но реально присутствующее обозначаемое. Форма такого образа – есть носитель «духовной силы». Например, икона Божьей Матери – «сама её есть». Поэтому символ не нуждается в словесной интерпретации. Наглядный символ – вечен, он не преходящ, и никуда не исчезает. Он не есть результат человеческого творчества и продукт разума. А поэтому, как утверждал Кирилл Александрийский, «рассуждение о Высочайшей всех Сущности и Ея тайнах оказывается делом опасным и для многих не безвредным»³⁸.

Логическую завершённость обретают многие философские концепции, эволюционированные многовековой визуальной традицией. Философские аспекты формы и сущности, поставленные античностью и не получившие завершённости в теориях Плотина, Филона, Оригена, Климента Александрийского и неоплатоников, нашли своё продолжение в византийской онтологической эстетике. Для «великих каппадокийцев» (Василия Великого, Григория Назианзина, Григория Нисского) «высшая красота» была неизрекаемая словом истина, а значит, и не постижимая формально-логическим мышлением. «Часто, что ум не схватывает с помощью выслушанных слов, зрение, воспринимая не ложно, растолковывает яснее», – писал восточный патриарх Никифор.

В европейском общественном сознании в конце V века категориальный аппарат венчают первостепенные понятия: «зрительный образ» и «символ». Вершиной изобразительного искусства в ракурсе проблемы выражения трансцендентных сущностей становится зрительный образ, икона. В этом деле искусству иконописи не было равных. Исследуя это творчество, российский академик Б. В. Раушенбах обратил внимание, что «по представлениям того времени, созерцание является в известном смысле высшей формой познания <...> имеет безусловное преимущество перед логическим мышлением»³⁹.

³⁸ Флоровский Г. В. Византийские Отцы V–VIII вв. Париж, 1933. С. 52.

³⁹ Раушенбах Б. В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб., 2001. С. 271.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.